

Russkiye Vedomosti. 1912, October 24, p. 4.
Русские Вѣдомости. 1912, 24 октября, с. 4.

The Philharmonic Society's second symphonic concert (Saturday, October 20) left a far less impressive impression than might have been expected. The symphonic portion of the evening consisted of Mozart's Symphony in G minor, Arensky's variations on a theme by Tchaikovsky, and Weber's "Oberon" overture. Of this uninspired program, the outer numbers were of undeniable artistic interest, but they were precisely the ones that Rachmaninoff failed to sing.

Mozart's symphonies are generally greatly lost in a large space and with a modern, grandiose orchestra. This time, however, the conductor chose somewhat slower tempos and approached his task somewhat formally, without the necessary admiration for the performance; as a result, only in the finale and part of the minuet could one hear the divine smile of the true Mozart.

The soloist at the concert was Joseph Hofmann, who, however, was not entirely satisfied with his performance of Tchaikovsky's famous concerto. A tried and true favourite of Russian musicians and the general public, he remains the same amazingly harmonious and accomplished musician. And if music were only a resonant form, if each of us were not accustomed to investing Tchaikovsky's concerto with deeply emotional content, if this concerto, with all its virtuoso scope, were not a lyrical and dramatic poem, then we would not hesitate to recognize Hofmann's interpretation as ideally perfect.

But each of the three movements of the concerto is a complete, deeply characteristic and dissimilar microcosm, able to fit into a single bracket of divine simplicity and grace, common to all the movements of the concerto in Hofmann's performance. And then, visitors to the Philharmonic Assembly will also remember Rachmaninoff's exceptionally heartfelt and captivating performance of this concerto last year. This comparison is even less to Hofmann's advantage, since Rachmaninoff was in immeasurably worse conditions: as much as the orchestral accompaniment was perfect this time, as much as now every stroke of the pianist was caught on the fly by the conductor, so much then the pianist had to lead the orchestra himself, sometimes even against the conductor's instructions.

But Hofmann did not allow the feeling of disappointment to linger long among his listeners: in his performance of Liszt's concerto, and especially in the encore of "Campanella," he revealed his full artistic potential. And what's most interesting is that this time, even the instrument spoke with Hofmann in a far more varied and enchantingly beautiful language, and Liszt's musical ideas were embodied, not merely demonstrated, as had been the case with Tchaikovsky.

Gr. Pr.

[Translation: Google]

Второе симфоническое собраніе филармоническаго Общества (суббота, 20-го октября) оставило гораздо меньшее впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать. Симфоническая часть вечера со-стояла изъ g-moll'ной симфоніи Моцарта, варіацій Аренскаго на тему Чайковскаго и увертюры «Оберонъ» Вебера. Изъ этой не блещущей свѣжестью программы край-ніе нумера имѣють безспорный художественный интересъ, но именно они не удались дирижеру Рахманинову.

Симфоніи Моцарта вообще сильно теряются въ большомъ помѣщеніи и при современномъ грандіозномъ составѣ ор-кестра. На этотъ же разъ дирижеръ взялъ какіе-то замедленные темпы и отнесся къ своей задачѣ нѣсколько формально, безъ

необходимаго любованія исполняемымъ; въ результатъ — лишь въ финалѣ и от-части въ менуэтѣ слышалась божествен-ная улыбка подлиннаго Моцарта.

Солистомъ концерта выступилъ Іосифъ Гофманъ, не совсѣмъ удовлетворившій однако своимъ исполненіемъ знаменитаго концерта Чайковскаго. Испытан-ный, давнишній любимецъ русскихъ музыкантовъ и широкой публики, все тотъ же удивительно гармоничный и со-вершенный музыкантъ. И если бы музыка была только звучащей формой, если бы каждый изъ насъ не привыкъ вкладыва-ть въ концертъ Чайковскаго глубоко эмоціональнаго содержанія, если бы этотъ концертъ при всемъ его виртуозномъ размахѣ не былъ лирико-драматической поэмой, то интерпретацію Гофмана мы не оби-нуясь признали бы идеально-совершенной.

Но вѣдь каждая изъ трехъ частей концерта -цѣльный, глубоко-характерный и несход-ный съ сосѣдомъ микрокосмъ, лающій умѣщаться въ одни, въ исполне-ніи Гофмана общія всѣмъ частямъ концерта скобки божественной простоты и изящества. А тутъ еще у посѣтителей Филармоническаго собранія на памяти исключительно проникновенное и увле-кательное исполненіе этого концерта Рахманиновымъ въ прошломъ году. Это сравненіе тѣмъ болѣе не къ выгодѣ Гофмана, что Рахманиновъ былъ въ неизмѣримо худшихъ условіяхъ: на-сколько на этотъ разъ было совершенно оркестровое сопровожденіе, насколько те-перь каждый штрихъ піаниста на лету схватывался дирижеромъ, настолько тог-да піанисту приходилось самому вести за собой оркестръ, иногда даже противъ указаній дирижера.

Но Гофманъ не далъ чувству разоча-рованія долго удержаться у слушателей: въ исполненіи концерта Листа и особен-но въ сыгранной на bis «Кампанеллѣ» онъ показалъ себя во весь свой огром-ный художественный ростъ. И интереснѣе всего то, что на этотъ разъ и инструментъ заговорилъ у Гофмана го-раздо болѣе разнообразнымъ и чарующе красивымъ языкомъ и музыкальные замыслы Листа оказались воплощенными, а не показанными только, какъ то было съ Чайковскимъ.

Гр. Пр.